

Стенографический отчет
совещания у директора Государственной Публичной библиотеки
от 05.04.37 г.

Присутствовали: т. Вольпер, Басов, Аникин, Банк, Орловская, Брискман, Белобородов, Эйдельман, Зельцле, Якобсон, Меженко, Куфаев, Иоффе, Якаб, Дмитриева, Гребенщикова, Мериц.

Порядок дня:

1. Отчет о работе резервного фонда в Петрокрепости – тов. Белобородов.

Белобородов: Приблизительно с ноября месяца я начал работать в книжном фонде. Приняли мы большое наследство, приблизительно по акту, выражающемуся в книжных корешках, до 1 млн. 300 тыс., – немножко побольше, может быть, на какую-нибудь сотню единиц. Но мы не считали, мы махнули рукой. Тут есть некоторые описи разобранных и неразобранных фондов, но с самого начала мы начали работать с теми клиентами, которые у нас были до нас, приблизительно было около 30–40 библиотечных объектов, которые мы снабжали; объекты, разбросанные по всему Советскому Союзу в отдаленных местах Сибири, Украины, Белоруссии, – научные учреждения. Начали отпускать немножко больше книг, потому что новый наш план ставил задачей немножко разгрузить наш книжный фонд для новых поступлений.

К моему приходу по данным наших инспекторов было обследовано приблизительно 200 библиотек, из которых нужно было привезти большое количество книг. В библиотеках эти книги в количестве 40–50 тыс., полторы, две тысячи книг. Этот библиотечный фонд был разобран инспекторами, которые ходят по осмотру, и поступал – это так называемая первичная обработка, когда из библиотек книги поступали в наш фонд и в текущей работе сотрудниками разбирались. И первое время мы продолжали это делать, но когда стали рассматривать фонд, то оказалось, что нужно было изменить методы работы, взять новый стиль.

Исходили мы из намеченного плана т. [А. Х.] Вольпера – выпустить не меньше полумиллиона книг и принять приблизительно такое же количество. Для этого нужно было, во-первых, чтобы всякая нужная советской власти книга попала в нужное место, значит нужно было найти клиентов, которые бы получили у нас эту книгу, потребовали ее. Мы с тов. [М. Н.] Куфаевым разработали письмо, обратились к сотне библиотек, для того, чтобы нас заметили и взяли нужные книги. Это было первое начинание. Сейчас приблизительно 60–70 клиентов появилось библиотечных, которые шлют большие требования. Мы заключаем договоры и ведем текущую работу.

Ведя эту работу, мы пересмотрели план пополнения нашего фонда. Снова было намечено получить в наш книжный фонд около полутораста, двухсот тысяч приблизительно и выдать такое же количество, и мы думали, что если по старому методу получать – будет трудно, и мы увеличили получение таким путем: стали из библиотек забирать все, что там имеется для нас. Инспекторов

стали посылать меньше для обследования (хотя один инспектор в течение трех месяцев болен и работает только один), и книги везут в большей части в своей упаковке и своим транспортом. Эти книги нам нужно разработать, а поэтому пришлось перестроить нашу работу в смысле увеличения плана, потому что получился большой поток книг, таких книг, которые во многих библиотеках были закуплены только потому, что там сидели не библиотекари, а люди, выполняющие план, затрачивающие деньги на книги перед новым годом и ставящие книги на полку.

Например библиотека, имеющая 40 читателей по политэкономии, покупает [И. А.] Лapidуса 100, [И. И.] Кауфмана 100. Это отрицательное явление, такого качества книг не нужно, и нам приходится принимать. По договоренности с Горлитом мы принимаем и большинство книг отдаем в макулатуру. Но среди таких книг попадают книги, например вот по немецкому языку у Октябрьской железной дороги. Там занимается 100 человек, а словарей немецких купили 200. Как будто бы словарь недорог – 3 р. 50 к., и библиотекарь говорит, что деньги истратить нужно было, и вот привозят нам. Привозят книги по математике, по философии.

Из привезенных мы оставляем 15–20 %, из некоторых 40 %, а из некоторых – 90 %. Из полученных 90 % получены от людей, уезжавших по тем или иным причинам из Ленинграда, процентов 40 получаем книги от Собеса, и 15–20 % получили из общих библиотек.

Хорошие книги сразу по разборкам разносили, по отделам и бронировали для научных библиотек, никаким другим покупателям не давали этих книг, в первую очередь думали снабдить нашу Публичную библиотеку.

Были в большом количестве учебники разные, эти учебники я решил выпустить на рынок и получил за них приблизительно около 32 тыс. рублей, вместе с некоторыми массовыми книгами (тут еще 10 тыс. руб. недополучено). Это книги, которые к нам поступали из библиотек, поступали книги и из бывших наших изданий.

Идет работа по снабжению библиотек, таких крупных, как Институт имени Горького; библиотека РККА получила большое количество книг по лицетератам. Работа идет большая, выпустили большое количество книг. В общем выпустили в этот месяц книг из разборки 72 тыс.; это значит, выпустили на макулатуру 72 тыс. томов. В прошлом месяце выпустили на макулатуру 13 тыс. и в январе выпустили на макулатуру 20 тыс.

Выдали книг, плюс к сданным в макулатуру, в январе месяце 15 тыс., в феврале – 20 тыс., в марте – 20 тыс.

Мы несколько исправили расценку. Раньше больше книг давали в библиотеки, и если [издания] макулатурного порядка, которые сейчас продаем в магазин в небольшом количестве, оставались здесь и их не продавали, библиотекам считали процентов 50 рыночной стоимости. Я поправил коэффициент, некоторым 50 % рыночной стоимости, а бедным, совсем бедным библиотекам – 25–30 % рыночной стоимости; богатой библиотеке, которой некуда денег девать, я положил 75 % рыночной стоимости, не больше.

Книжники, у которых покупка мала, процентов 25 они с наших книг зарабатывают.

В расценках трудно уследить все, приходится иногда корректировать после того, как книги уже отпущены. Я отпустил тысячу разных книжонок для магазина периода нэпа и посчитал по 75 к., думал, хорошая цена, некоторые и стоили-то 25 к., а когда еще прикинул, на некоторых поставил полтора рубля, и когда проверил документы, то оказалось, что они заработали 60 %. Тогда я перестроился и книжники были недовольны, [поскольку] получили лишь 18 %. Хотели везти обратно, но я не взял.

Научная работа тоже как будто ведется, но я еще не уяснил себе этой работы, ее ведет тов. [М. Н.] Куфаев, хорошо работает тов. [О. Э.] Вольценбург, карточки ведутся. Но о них расскажет тов. Куфаев.

Мы развиваем темпы работы по разбору книг. Имеется например, отдел философии, там разобранных 36 тыс.; не разобранных – 35 тыс. книг. То есть ничего не сделали. Но есть отдел истории, там разобранных 28 тыс., не разобранных примерно 6 тыс. – это так было указано, а когда я посмотрел, то ничего не было разобрано. Там работает т. [С. Г.] Гусев, ученый работник, но методы работы у него старые. Я стал против этих методов воевать.

Нужно было, например, запросит какой-нибудь институт [С. М.] Соловьева «Историю...», но получилось так, как с запросом библиографической справки: запрасят сегодня, а через месяц справочка будет – так и мы, через месяц давали книгу.

Я нажал на т. Гусева, 50 комплектов сформировали в 6 дней и продали некоторые по 50 р. За комплект. Темпы усилили. Раньше было так: нужно какую-нибудь книжку, и разыскиваем одну книжку, а искать в наших штабелях долго; так вот мы сказали, чтобы Соловьева скомплектовать, и когда скомплектовали, разложили по комплектам – и места получилось больше, и книги, и цифра неразобранных будет не 60 тыс., а иная.

История у нас разобрана полностью – через 2–3 дня последние книги будут расставлены в алфавитном порядке и Публичная библиотека может прийти и взять любую книгу. Расставлены они в библиотечных стеллажах. Над моими стеллажами смеются, но мы с тов. Куфаевым решили, что в шкафах хуже, там стоят по алфавиту книги и стоят до потолка. А если Соловьев и завязан, то все же легко взять оттуда книгу.

Раньше т. Вольценбург вел одну работу и расценивал книги. Я пригляделся к расценке, а ценили так: спрашивают [Ф.] Готтенрота – книга по уборам, по одежде, спрашивают из театра и из Международной книги, я спрашивал у т. Вольценбурга, сколько поставить за такую книгу, он говорит – 8 р. надо, затем спросил у т. Куфаева, тот говорит, что это дешево, можно 15 р. поставить. Но я решил, что 15 тоже дешево и прикинул – 150 р. поставил. Сейчас эту книгу 4 учреждения просят, но мы пока бережем для Публичной библиотеки. За такую книжку можно и 200 рублей взять – книжка нужная. Но вот с расценкой были такие моменты. Я-то исходил из того, что все равно – мне ли эти деньги поступят или Публичной библиотеке, или какой-нибудь другой библиотеке, но

все же карман Публичной библиотеки ближе. А т. Вольцбург сказал, что книги все-таки должны быть наши. Значит, книгу мы никому не даем.

Мы даем такие книги. Вот Александро-Невская лавра – стояла книга десятилетие, я посмотрел – вижу, книжка ненужная, вряд ли по 2 р. 50 к. стоит. Политически она не вредная, а для нас вредная, потому что эта книжка стояла десяток лет и потом пошла... на козырьки к фуражкам для милиции.

Ряд книг нам пришлось выбросить для технических целей. Мы должны были эти книжки выбросить в макулатуру, а выбрали по 1 р. 25 к. за книжку, а такой книжки было полторы тонны.

Значит, давали мы только старые учебники. От этой сдачи мы деньги получали.

По отделам: У нас имеется педагогический так называемый отдел, так он забрал не только педологию, а когда я посмотрел в алфавит, мы выбросили оттуда тысяч 10 книг, из них 1 тыс. даже торговцы не взяли, потому эти книги только полки занимают.

У нас стояло на 10–15 тыс. [книг] стеллажей, вернее, штабелей по 10–15 тыс. томов. Я попробовал с нашими научными работниками поговорить. Есть у меня Мария Осиповна, хорошо знающая книгу по беллетристике, не хуже [И. В.] Владиславлева (трудно проверить). Вот спрашивают книгу [М. Е.] Салтыкова-Щедрина – потому что т. [И. В.] Сталин привел [в речи] Салтыкова-Щедрина и наши ребята просят. Я сразу говорю Марии Осиповне – даем, а она говорит: хорошо, но собираем Салтыкова-Щедрина день, второй, третий и все-таки неполное получается собрание. Очень трудно собрать – оказывается, он разбросан в 11 штабелях на десятке полок по одному выпуску, а у него десяток выпусков. Я вижу, что так хватит работы на 5 лет. Взял новых людей и сделал конвейер, и сейчас этот отдел разобран, Беллетристика почти что стоит разобранная, если не вся в алфавите, то дней через 5 будет алфавите. И если у меня теперь спросят Салтыкова-Щедрина – любое количество, вместо одного собрания сочинений, на сегодняшний день могу дать 50. Писемского – 70, других классиков от 10 до 20 собраний сочинений. Значит, книги привели в порядок на стеллажах и ими можно пользоваться.

Таким образом, отделы Истории и Беллетристики почти что закончили разборкой. Теперь в самое ближайшее время нужно посмотреть техническую книжку.

Вот есть, например, такая хорошая книжка 1907 года – по претензии к железной дороге. Кто-то утерял ридикюль и за этот ридикюль взыскивал, и дорога заплатила. Очень хороший сюжет для Зоценко, но для меня плохо, у меня этой книги лежит 400 экземпляров, когда ее спросят? – Едва ли кто-нибудь спросит. Проставил 50 на этих 400 книгах, а на сегодняшний день вряд ли по 75 к. книжка пойдет. Около килограмма весит.

Посмотрел по полкам и там такого порядка книг можно собрать приблизительно полсотни тысяч – книги совершенно ненужные. Они занимают полки, а нужные книги еще не на полках.

Я пошел по такому пути: решил выбросить все макулатурного порядка книги в макулатуру, все что можно, реализовать и пополнить наш фонд тем же

количеством хотя бы, которое у нас сейчас есть, но нужной книгой, которая требуется и, чтобы они немножко менялись, к этим 20–35 старым клиентам нам нужно иметь минимум 400. Только так можно будет работать, если будет 400 клиентов.

Потребуется ли нам большой штат при таком количестве клиентов? Когда я просматривал старые штаты, я находился под влиянием т. Горохова и хоть в большинстве случаев советовался с т. Куфаевым, политика была т. Горохова. Это очень интересный человек, но в течение большого отрезка времени смотрел на фонды только – и я сперва смотрел, что если 200 тыс. выпустить, то вдвое надо увеличить штат и, главным образом, 1-го разряда библиотекарями, а когда стал работать – вижу, что если тот штат, который мы утверждаем по смете, пополнить нештатными единицами, то в этом году мы разберем весь фонд без каких бы то ни было новых вложений, и весь книжный фонд будет на стеллажах.

Нужно сделать таким образом: наряду с научными работниками брать работников, которые под руководством наших работников разберут – тут нужна будет лишь некоторая затрата энергии.

В наших фондах на сегодняшний день неразобранных имеем примерно полмиллиона книг, да эти полмиллиона неразобранных книг пополнятся еще в следующем квартале 150 тыс. книг – это будет большой квартал. Так вот, нужно из полумиллиона разобрать минимум 400 тыс. книг в это время, и мы решили сейчас разобрать за месяц, вместе с выпуском и выброской в макулатуру, не меньше 100 тыс. книг, и в этот месяц мы приблизительно к этому подошли, разобрали больше 120 тыс. На следующий месяц намечен план дать большую цифру – правда, возьмем еще двух человек.

Несколько слов о Публичной библиотеке. Как будто Публичная библиотека должна нами заинтересоваться и она кое-чем интересовалась: т. Брискман заинтересовался, т. Куфаев Пушкинскую библиотеку заинтересовал, мне передавали что заинтересовались [и другие]. Это очень хорошо, когда интересуются люди, но нужно больше интересоваться.

Ведь вот т. Куфаев заботится выжать для Публичной библиотеки как можно больше, – мне его иногда приходится использовать как помощника по разборке, – он придет, закрутит рукава и разбирает. Но нужно было бы прийти к нам т. [Б. Р.] Зельцле, [М. А.] Брискману – посмотреть, что есть для Публичной библиотеки. Я знаю, что многих сотен книг в Публичной библиотеке нет, потому что я спрашивал – были отказы, и не потому что на месте нет, а вообще в Публичной библиотеке нет, а эти книги у нас имеются. Так говорил т. Куфаев, это же говорит и т. Вольценбург. Сейчас некоторые отделы Публичной библиотеки заинтересовались. Вот тут как-то приехал т. [Н. П.] Никольский, отдает поддержанную книгу Британики и берет у нас новую, берет (Мейербера) – ничего не дает, а берет новую энциклопедию. Но нужно еще поинтересоваться нашими фондами Марии Эдуардовне [Орловской]. Она вчера дала список нам и кое-какие книжки уже есть, но я думаю, что раньше чем покупать книжки, Публичной библиотеке следовало бы посмотреть, нет ли этих книг у нас.

Мы с т. Куфаевым получили около 75 тыс. книг в этом году, книги из интереснейших библиотек издания [19]29 [года] и некоторые иностранные 1936 года, – молодые книжки, хорошие. Если эти книги у нас спрашивает какой-нибудь Горьковский институт и Публичная библиотека не спрашивает, – мы должны книжку выпустить, иначе мы задержимся, но тут ничего нельзя сделать, и я думаю, что нужно Публичной библиотеке лучше использовать нас для получения книг.

В целом дело у нас идет неплохо. Некоторые работники косо на меня смотрят, говорят, что очень круто берусь, но теперь уже стало лучше. С тов. Куфаевым у нас общая линия, тобы побольше сделать. Есть еще хорошие работники [Т. В.] Тарасова, Болтасова, но некоторых работников просто не хватает времени проверить, а имеются большие недостатки в старом стиле работы.

Имеется, например, 1-я разборка, 2-я разборка, 3-я разборка и затем алфавитная. Это значит, сперва узелок развяжут, затем перенесут на 5 метров дальше и опять узелок завяжут. Привезем, например книги, проведем первую разборку, разложим книги на 5 отделов: «естество» – отдел, Педагогика – отдел, а потом опять сложим в штабеля. А в Педагогике там есть и [В. В.] Верещагин-художник и [П. П.] Семенов-Тянь-Шанский, а в «естестве» (это свой термин – просторечье) и [К.] Гольвецкий, и другие. Таких штабелей у нас много и мы думаем в этот квартал еще штабеля 3–4 разобрать. За этот квартал разобрали 6 очень больших штабелей.

Сейчас заставил разобрать альманахи. Разобрали по названиям и раньше, чем разобрать на полках, их пока положили в штабеля и, значит, узелок развязывали, что-то делали, а там узелок завязался, опять стоя вместе. Тут и «Сирин», и горьковское издание, и «Шиповник». Но думаю, что теперь они долго лежать не будут.

Закончу свой отчет тем, что Публичной библиотеке нужно большие отделы использовать, например, Периодики – старой и новой. Кое-что из старого нужно использовать, пока это есть. Из Беллетристики – тоже. Нужно использовать кое-что из отделов Философии, может быть, и Педагогики, и из других отделов. Потому что я знаю, т. [Я. Х.] Якобсон много книг таких покупает, которые у нас есть. Тов. Куфаев невозмутимый человек, и то возмущается. Так Соловьева философию в лавке отпускают для Публичной библиотеки – стоимость небольшая, 100 рублей, а у нас есть полтора. Так вот, можно было бы взять бесплатно, а т. Куфаев был бы рад, чтобы выбрать эти книги. Вот это нужно было это сделать. Когда я с т. Якобсоном увиделся, он обещал прийти посмотреть, что можно использовать из наших фондов.

На самое ближайшее время мы с т. Куфаевым наметили выпустить те издания, которые [представляют собой] бросовые книги. Если бы были полные собрания – еще ничего, но например Библиотека изданий Таубница, – разрозненные книги, их можно отдать в Одессу, там берут. Так же решили выбросить 3 тыс. томов, немецкий роман...

Не будем трогать мы философию и мало возьмем из истории, совершенно никому не даем Россику и проч. Сегодня получили заказ от Белорусской библиотеки на еврейскую литературу. т. Куфаев говорил, нельзя ее использовать, –

отдать большой отдел, у нас никто не знает еврейской книги. На сегодня он отказывается, говорит, что нам ничего не надо, а между тем есть очень любопытные книги. Но особенно интересна Россика. У нас есть и техника 1936 года, но она еще не разобрана. Вот если бы Публичная библиотека поинтересовалась нашим фондом, то сказал бы, что из нашего фонда можно создать, хоть не полный, дублет Публичной библиотеки, но в какой-то части дублет, мы много могли бы дать на пополнение.

Хвалить нашу работу нечего, она у нас только разворачивается. Работать мы будем, и думаю, что через квартал буду докладывать о больших работах. У нас не будет этих «белобородовских» стеллажей, а будут настоящие стеллажи. Они будут тогда, если мы возьмем трех разборщиков на те же деньги, которые отпущены на наших библиотекарей главных и прочих и используем на разборке. Кроме того, нам необходимо метров полторы сотни стеллажей для хороших книг – об этом придется говорить с Николаем Ивановичем.

За счет будущих благ мы нашли некоторых работников. Вот приходит профессор [А. И.] Гребенкин, работает над [Б. Н.] Чичериным, – умный человек. Он смотрит на штабеля, там тысяч 40 приблизительно. Я ему предложил, если он будет отдельные книжки о Чичерине выбирать, то я отпущу не меньше десятка и, кроме того, заплачу полтора рубля, если он разберет все 40 тыс. томов. Он уже тысяч 25 разобрал.

Затем одна писательница пришла. Мы предложили постажироваться, дали постажироваться. Она любит книгу. Она тоже тысяч 20 разобрала – это неплохо. Ей мы предложили работать за счет Белорусской библиотеки. Списки нам нужны и самим, но мы написали библиотеке, что если она интересуется еврейской литературой, то можем составить списки, и она согласилась оплатить и переводит деньги. И таким образом, мы пишем списки для Публичной библиотеки, а с Белорусской библиотеки берем деньги за копию.

Таким образом, несмотря на трудности из-за большого притока и ограниченного места для работы, мы сильно двинулись вперед.

Нужно сказать, что в прошлом году привезено книг в январе 16 295, а выдано 2199 томов, а в январе этого года привезли 73 тыс. книг, выдали – 15 тыс., резервировали – 41 тыс.

В прошлом году в феврале ввезли 9600, вывезли – 2 тыс., а в этом году ввезли 62 тыс., вывезли – 20, разобрали – 40 тыс.

В марте в прошлом году ввезли 6666 книг, вывезли – 1500. В этом году ввезли 137 тыс., вывезли 20 тыс.

Мы настолько увеличили темпы за счет новых методов работы, за счет конвейерного метода разборки и за счет больше загрузки людей. Были неприятные случаи: работницы, получающие 115 р., переносили в день в среднем пудов по 200–300 на третий этаж и обратно, были случаи, когда некоторые падали. Но сейчас они не предъявляют претензий, а говорят, что все-таки нужно платить 140 рублей. Смета наша еще не утверждена, но мы обещали эту сумму платить.

Нам нужно помочь – дать возможность оплатить 1–1,4 тыс. нашим разборщикам, которых мы используем; с тов. Куфаевым план, намеченный т. Вольпером, думаем выполнить на полсотни процентов.

Стенографический отчет совещания у директора Государственной Публичной библиотеки от 05.04.37 г. // ОАД РНБ. Ф. 12. Т. 127. Л. 1–12.